

5-6 ИЮНЬ 1945

ГЛАВНЫМ БЫЛО ТВОРЧЕСТВО

К 75-летию со дня рождения

Н. В. Петрова

ОН СДЕЛАЛ для театра так много, что описание сделанного могло стать и стало содержанием большой книги «50 и 500». Книга эта — яркое свидетельство того, как много полезного может успеть совершить за свою жизнь человек талантливый, одержимый любовью к театру, умеющий открывать в нем новое и делать это новое достоянием всех.

Только по его рассказам, со слов его друзей и из книги, которую я прочитала с огромным интересом, я могу судить о результатах его колоссального труда в годы, предшествовавшие революции, в первые годы после Октября. Помню его воспоминания о работе в разных театрах Москвы и Петербурга, Чернигова и Симферополя, Старой Руссы и Петрозаводска...

Сейчас часто говорят о новшествах, которые при ближайшем рассмотрении оказываются повторением давно открытого. Так, например, говорят о театре массовых действий, как о совершенно новом виде театрального искусства, а Николай Васильевич Петров еще в 1920 году создавал массовые политические действия, например, «Торжество Коммуны» на Фондовой бирже в Петрограде.

Он неумоимо помогал развитию советской драматургии, с огромной любовью и интересом воплощая на сцене пьесы наших авторов, пусть даже не всегда совершенные.

Но обо всем этом, повторяю, можно прочитать в его книге. Мне же хочется рассказать о Николае Васильевиче — человеке удивительной души.

Он поражал необычайной доброжелательностью, какой-то душевной щедростью и неумоимостью. Встречаясь с ним почти ежедневно в ГИТИСе, я испытывала огромную радость от общения с ним.

Все было у этого человека — признание, звания, высокие награды, но не было того, что нередко идет вслед за этим: не было самоуспокоенности, ощущения себя маститым мэтром, пренебрежительности к людям и к делу.

В то время, когда я познакомилась с Николаем Васильевичем, руководителями курсов режиссуры в ГИТИСе были он, Н. Горчаков, А. Лобанов, А. Попов, Ю. Завадский. Они составляли кафедру режиссуры. Это было высокое содружество мастеров, которое поставило перед собой цель — создание единых принципов воспитания режиссеров и увлеченно добивалось этой цели.

Вспоминается один случай: в поисках новых путей воспитания режиссеров Николай Васильевич решил совершить эксперимент — попробовать со студентами первого курса сразу делать спектакль. Эта попытка не увенчалась успехом, о чем ему и было сказано на заседании кафедры. Я не забуду, как сосредоточенно, внимательно слушал он товарищей, как бы взвешивал их слова и как просто оказал: «Понимаю — ошибся. Но мне нужно было попробовать». И как потом, собрав весь свой курс, мужественно и точно он передал студентам мнение кафедры, свое согласие с этим мнением и решение внести поправки.

Последние годы мы с Николаем Васильевичем не раз отдыхали вместе в доме отдыха «Руза». Писали статьи, воспоминания. Потребность рассказать о том, что он видел, что любил в искусстве, была в нем необычайно велика. Он писал легко и весело, осыпая страничку за страничкой мелким бисером слов.

Комнаты наши были рядом, время от времени открывалась дверь, и всегда оживленный, возбужденный работой Николай Васильевич спрашивал, шутя: «Мадам, сколько вы написали?». Как правило, у меня было написано не больше двух страниц. «А у меня уже двадцать!» — отвечал он, довольный шуткой и незря проведенным за письменным столом временем.

...Мысленно я прослеживаю его путь — от помрежа до руководителя больших столичных театров и восхищаюсь энергией, художественным опытом, талантом этого человека. Но особенное восхищение вызывает во мне тот поистине юношеский заряд творческой энергии, молодой любви к нашему искусству, который он сохранил до конца дней и который так необходим художнику театра.

М. КНЕБЕЛЬ.